Газета с 13.

Пианист восхищал виртуозной техникой и заполнял пространство таким обилием звуков, что непонятно было, как можно сыграть все это десятью пальцами. Он был сосредоточен и большей частью серьезен, но в наиболее яркие моменты начинал подпевать сам себе

Трио Маккоя Тайнера в Le Club

Маккой Тайнер выкладывался на концерте до предела, при этом внимательно наблюдая за партнерами Фотограф: Франк Вильягра / Газета

загадки для непохожих

Маккой Тайнер в Москве

ГРИГОРИЙ ДУРНОВО

В Le Club выступает трио Маккоя Тайнера — пианиста, игравшего с великим саксофонистом Джоном Колтрейном, одного из наиболее авторитетных джазовых мастеров. Сегодня ансамбль даст последний концерт в Москве.

Квартет Джона Колтрейна, сформировавшийся в конце 1950-х, — огромная веха в истории джаза. Уникальный саксофонист привнес в джаз элементы африканского и индийского фольклора, классики XX века. Его самого не стало в 1967 году, контрабасиста Джимми Гаррисона — в 1976-м, барабанщик Элвин Джонс скончался в мае этого года. Маккою Тайнеру, младшему участнику квартета, сейчас 66 лет. Критики ставили ему в заслугу прежде всего то, что ему удалось стать одним из влиятельнейших джазовых музыкантов после ухода из ансамбля великого саксофониста. Успех к Маккою пришел в 1970 году, примерно через пять лет после того, как они расстались. Однако значение Колтрейна для самого Тайнера не уменьшилось за долгие годы. Он продолжает играть произведения своего партнера и наставника, иногда посвящая ему концерты целиком.

Московская программа была составлена из джазовых стандартов, композиций Колтрейна и самого Тайнера. В последнее время у пианиста нет постоянного состава, он пробует различные, в основном камерные, комбинации инструментов. Вместе с Маккоем приехали шестидесятилетний контрабасист чешского происхождения Джордж Мраз и совсем молодой барабанщик Эрик Харланд. Мраз с 1960-х годов переиграл с огромным количеством самых разных исполнителей, карьера Харланда началась во второй половине 1990-х. Вместе трио представляет собой единство совершенно непохожих настроений и манер игры. При этом, несмотря на безусловное главенство Тайнера, каждый участник ансамбля сумел по-настоящему выразить себя.

Выступление трио стало примером того, что блестящих музыкантов интересно не только слушать, но и смотреть на них. Особенным удовольствием было наблюдать за руками Тайнера. Пианист восхищал виртуозной техникой и заполнял пространство таким обилием звуков, что непонятно было, как можно сыграть все это десятью пальцами. Он был сосредоточен и большей частью серьезен, но не напряжен, кроме того, в наиболее яркие моменты начинал подпевать сам себе. Мраз, осевший в США с начала 1970-х, но сохранивший европейскую сдержанность, был очень деловит и подтянут, однако в некоторых соло любовно склонялся к контрабасу, почти нежно перебирая струны. Афроамериканец Харланд самозабвенно отдавался игре, раскачиваясь и закрывая глаза, и широко улыбался, глядя на солирующих партнеров. Всех троих объединяло четкое осознание структуры каждого из исполнявшихся ими номеров. Иногда соло казались самостоятельными композициями (так было, например, когда Мраз играл смычком), однако общая линия, ось произведения никогда не терялась, в явном или неявном виде кто-нибудь из троих напоминал о ней постоянно.

В музыке трио сочетались элементы латиноамериканских ритмов, регги, маршей, однако это уже даже не хотелось отслеживать. Интереснее было наблюдать за развитием темы, за мелодией. Практически каждый номер программы имел собственную драматургию, в каждом соло содержалась интрига, хотелось узнать, что будет дальше, какой поворот. Возвращение главной темы почти что вызывало слезы на глазах — настолько захватывало все происходящее. Даже о том, как Тайнер завершит конкретное произведение, нельзя было точно догадаться. Например, ожидалась продолжительная кода, а вместо этого прозвучало всего два эффектных аккорда; иной раз музыкантам удавалось свести звук до минимума, практически как в студийной записи. Второе отделение состояло всего из четырех номеров, но в каждом из них был свой большой и увлекательный сюжет. Завершив последний номер, пианист, явно выложившийся до предела, скромно поклонился и, буквально шатаясь, ушел в артистическую.

“мы проникали в музыку, понятную только посвященным”

Маккой Тайнер — **Газете**

В Москву приехал пианист Маккой Тайнер — последний из оставшихся в живых участников легендарного квартета под руководством Джона Колтрейна. Перед первым концертом в Le Club музыкант ответил на вопросы Григория Дурново.

Расскажите, пожалуйста, как вам работалось с Колтрейном?
Это был потрясающий опыт, потому что мы использовали самую разную динамику. Мы могли играть баллады, блюз, многое другое. Мы проникали в музыку, понятную только посвященным, мы ее как будто поднимали из каких-то глубин. По многогранности это было похоже, я бы сказал, на обучение в университете.

А как он общался с музыкантами, которые играли с ним? Как учитель?
Нет, как друг, как старший брат. Но главное общение происходило посредством музыки.

Что вы чувствовали, когда покинули его квартет?
Пришлось приспосабливаться. Это было трудно, потому что я знал Колтрейна давно, еще с тех пор, как был подростком. Ведь мы все были как семья, это был не просто ансамбль для нас.

Как вам удалось достичь успеха после ухода из ансамбля?
Вы знаете, когда играешь, особенно с такими людьми, нужно расти. Нельзя просто получать удовольствие, надо работать, понимаете? Уход из такого ансамбля — это было как выпуск из университета, когда приходится самому становиться на ноги.

Каких музыкантов помимо Колтрейна вы могли бы назвать среди тех, кто на вас больше всего повлиял?
В основном это пианисты — Телониус Монк, Бад Пауэлл, с которым мы начинали… Конечно, Чарли Паркер. Он на всех повлиял. (*Смеется*) Но вообще-то дело в том, что влияние — это все хорошо, но в каком-то смысле все ответы на твои вопросы — здесь, внутри, в тебе. Вот где все ответы, их надо найти. Они не где-то вокруг, не на небе или где-то еще. Вы понимаете?

Вы играли с различными составами — трио, квартетами, биг-бэндами. Какой состав вы предпочитаете?
Они все разные, но на самом деле это все одно и то же.